Татьяна Ильдимирова

г. Кемерово

Пощечина

Ленка смешно моргала, когда на нее смотрели. Хотя, казалось бы, как можно моргать смешно. Может быть, дело в том, что ресницы ее были русыми, на кончиках белесыми, а брови – невидимыми. Или в том, что она едва заметно косила левым глазом. Или в том, как набухали ее веки в ответ на каждую безобидную шутку, даже на ожидание шутки. Не девочка, а нелепость.

В детстве сложно сдружиться с тем, кого редко выпускают гулять, кому нельзя бегать, нельзя в прятки, в казаки-разбойники, нельзя уйти в соседний двор, нельзя прыгать с гаража на гараж, нельзя холодное мороженое, ролики, велосипед, плавать на плотах по затопленному весной заброшенному стадиону, раскачиваться стоя. Все знают, что от таких девочек, на всякий случай, лучше держаться подальше. Любая ссора в игре, обычная ссора, которая могла бы через полчаса забыться навсегда, завершалась криками Ленкиной матери из окна или, того хуже, со скамейки у подъезда и запретом водить знакомство с такими невоспитанными детьми. Еще и по квартирам жаловаться шла.

Из всей дворовой компании с Ленкой дружила только Оля, которая не очень-то нравилась Рите. Когда остальные за глаза высмеивали Ленку, Оля молчала, будто не знала, о ком идет речь, и не только ни разу за нее не вступилась, но порой и смеялась со всеми. Рита бы так не смогла.

Ленка училась в параллельном классе и жила в соседнем подъезде. Рита часто видела ее идущей в школу или из школы. Учебники Ленка носила не в рюкзаке и не в пакете, как все нормальные люди, а в старом мужском портфеле для бумаг, который перекашивал Ленку на бок. Пальто ее было всегда или слишком коротким, или слишком длинным, шапка сползала на глаза, колготки морщились под коленками, воротник топорщился, будто она никогда не смотрелась в зеркало. И вообще выглядела она так, что не поймешь – то ли вся ее одежда была для нее чужой, то ли Ленка была чужой для своей одежды. То что следовало заправлять – вылезало наружу, что требовалось гладить – неизменно становилось мятым.

Если бы Риту спросили, за что она не любит Ленку, она могла бы ответить одно – а чего она тут? Это было странное, самой Рите непонятное и неприятное раздражение. Ну да, некрасивая. Вечно в себе. Слишком тихая, что не нравилось даже учителям. Но все это причины, пожалуй, для равнодушия, а не для неприязни. Казалось бы, не хочешь – не играй, не нравится – не смотри, в любом случае – не трогай.

Рита так не могла. Она подлавливала Ленку на улице или во дворе и по-хозяйски спрашивала:

– Почему ты тут стоишь?

Или:

– А чего это ты тут идешь?

Иной раз Рита просто подходила и пристально смотрела ей в глаза, пока Ленка не начинала часто-часто моргать. Рита считала, что она не делает ничего плохого – она же не била ее, в конце-то концов, и даже не обзывала Трясогузкой, как все остальные. Просто внимательно смотрела, как

на неведомую зверушку, пока не дожидалась ответа, всегда неправильного. Вместо того чтобы ответить коротко, грубо и дворовым языком, как полагалось, Ленка, тушевалась, моргала, молчала и наконец говорила, кого она ждет (например, маму) или куда идет (например, домой). Рита отходила в сторону и смотрела, как Ленка шпарит от нее как можно быстрее.

Рита не понимала, зачем так делает. Ей было не то чтобы смешно... В общем, она не знала.

Однажды, им было тогда лет по восемь, Рита, возвращаясь из магазина, увидела во дворе непонятную сцену. Из подъезда вышла Ленкина мама с огромным коричневым чемоданом в одной руке, второй она цепко держала за запястье взлохмаченную Ленку. Несмотря на майскую жару, на Ленкиных плечах было накинуто осеннее пальто. Ленка упиралась, тянула маму обратно домой и что-то кричала, неразборчивое, сквозь отчаянные слезы. Мать, не оглядываясь на Ленку, тащила ее в сторону улицы. Лицо ее было спокойным и невозмутимым, словно ничего особенного не происходило.

Рита шла им навстречу, ей пришлось поздороваться. Никто не обратил на нее внимания. Она отошла в сторону и продолжила смотреть на них: Ленка вырвала руку, но не убегала, а ревела, сидя в траве и кутаясь в свое осеннее пальто, будто хотела спрятаться в нем целиком. Мать молча стояла рядом и смотрела на нее, выжидая.

– Я не пойду... Я не хочу... Не хочу в детский дом! – донеслось до Риты.

– А что же с тобой еще прикажешь делать, – сказала мать, и Ленка заревела громче.

– Я не буду так больше никогда! – закричала она. – Честное слово, не буду!

– Будешь еще? Будешь? – спросила мать, не слушая ее, и посмотрела на Риту. Та сделала вид, что смотрит в другую сторону, и медленно пошла к своему подъезду, стараясь забыть о том, что увидела, и не слышать, что происходило позади. Ее спине было холодно, а желудок скрутило в тугой узел, будто перед осмотром школьного зубного врача. Во дворе творилась неоправданная жестокость, несправедливость, неправда, а Рита еще не была взрослой для того, чтобы попытаться вмешаться и не сделать еще хуже.

Дома Рита посмотрела в окно – во дворе никого не было.

После этого Ленка стала чаще попадаться ей на глаза – то она шла в школу, то в магазин, то стояла около подъезда, явно не решаясь пойти домой. Они не здоровались даже глазами. При виде ее в подреберье шевелилась неприятная жалость. И еще что-то, похожее на злость. Хотелось схватить ее за плечи и встряхнуть, чтобы Ленка начала вести себя нормально. Так же Рита сердилась при виде соседской дачной кошки, которая смолоду съела своих котят. Та кошка часто приходила на их участок и терлась о ноги, выгибала спину, напрашиваясь на ласку, но Рита не хотела ее гладить.

***

Рита удивилась, когда Ленка окликнула ее в холле у школьной раздевалки. Обе они задержались после уроков, и поблизости не было никого, кроме нескольких старшеклассников и вахтерши с пасмурным лицом. Ленка сидела на батарее у серого, грязного окна, за которым виднелся школьный стадион, засыпанный таким же серым и грязным снегом.

– Извини, ты, случайно, Олю не видела? – спросила Ленка, неуютно переминаясь с ноги на ногу.

Рита пожала плечами и отвернулась, но вдруг заметила, что Ленка стоит перед ней обутая только в один сапог. Вторая нога, в шерстяной колготке, с поджатыми пальцами, была разута.

– Где твой сапог? – не удержалась Рита.

– Я не знаю, – прошептала Ленка, отводя глаза.

– А как ты домой пойдешь?

– Я не знаю, – повторила Ленка.

– Так ты маме своей позвони.

– Нет, я не могу ей... Мне надо просто найти его, понимаешь? Я уже шапку потеряла на прошлой неделе. Если она теперь узнает... – Ленка заплакала.

– Хорошо. Не реви только, терпеть не могу, когда ревут. Ты уже где искала?

– В классе и в раздевалке.

– А в туалетах? – спросила Рита, не до конца понимая, зачем она с ней разговаривает.

– И в туалетах, которые для девочек.

– Ты лучше посмотри в тех, что для мальчиков.

Ленкино лицо до корней волос и до мочек ушей налилось ярко-розовым стыдом.

– Ну как я туда пойду-то, – еще тише зашептала она.

– Как-нибудь пойдешь, – ответила Рита, огляделась и добавила, – ладно уж, я на шухере постою.

– Если там кто-то будет, что он обо мне подумает?

– А не все ли тебе равно, – сказала Рита. – И потом, других вариантов у тебя все равно нет.

Можно сказать, им повезло: в мусорном ведре первого же из обысканных мужских туалетов нашелся испачканный сапог со сломанной молнией и со следом от ожога – о голенище затушили сигарету. Пока растрепанная и зареванная Ленка мыла руки, Рита придумала очень срочное дело, чтобы не идти вместе домой. Ей не хотелось возвращаться из школы с Ленкой. Это было бы уже слишком.

Ее саму в пятом классе тоже пытались подтравливать, но она вовремя прекратила все нападки, после трех предупреждений поколотив зачинщика Данила учительским стулом.

Вечером к ней домой пришла Ленкина мама и с порога сообщила, что Рита («Ваша старшая») и еще три девочки из школы, которых Рита не знала, порвали и спрятали в туалете Леночкин сапог. Крик стоял до потолка. Ленкина мама требовала денег за сапоги и чтобы Рита пошла с ней и извинилась. Ритина мама сказала, что запрещает Рите извиняться за то, что она не совершала, и вообще подходить к Ленке.

Рита гордо ушла в комнату, которую делила с сестрой. Надя отводила глаза. Рита накричала на нее, что было сил заткнула пальцами уши, легла на диван и в конце концов так и уснула. В ее сне шел серый и грязный снег, он заметал огромную пустыню и саму Риту, которая брела через сугробы босая, без шапки, почему-то с тощей лошадью на поводу. Было ей в снегу сперва очень холодно, а потом колко: мама зашла в комнату и укрыла ее шерстяным пледом. Сон был из тех, что стыдно кому-то рассказывать.

Наутро настала суббота. Рита проснулась поздно, с головной болью и красной полосой от диванной подушки во всю щеку. День был учебный, но мама разрешила не идти в школу. Сестра ушла гулять, а Рита бездельно щелкала пультом телевизора, пялясь в обрывки фильмов между рекламными паузами, потом помогала маме лепить пельмени, пока не пришло время ехать на тренировку.

Рита подхватила спортивную сумку и вышла из дома. Под утро город заволокло смогом, ветра не было, и до сих пор и небо, и воздух, и снег оставались одинакового дымно-седого оттенка. В окнах, несмотря на день, горел свет. С неба скупо сыпалась снежная труха. Рита чувствовала себя рыбой в огромном аквариуме.

Она помахала маме рукой – в их семье так было принято, и вдруг увидела Ленкино лицо, глядящее из окна третьего этажа. Ленка смотрела именно на Риту: после всего что случилось, она ещё имела наглость смотреть. Рита вгляделась – Ленка от окна не отошла. Они продолжали смотреть друг на друга сквозь двойные рамы и серый воздух. Потом Ленка помахала Рите, и Рите показалось, что на её лице промелькнуло подобие улыбки. Рита сделала вид, что смотрит на пустое окно. Ничего другого Ленка не заслуживала.

***

Рита не видела Ленку до самой весны, будто Ленка и в самом деле исчезла. Дни до весенних каникул тянулись медленно и серо. Одни и те же улицы, седая от мела школьная доска, усталые зимнего цвета лица, давно не видавшие солнца. Бесконечная учёба. Наскучившие танцы. Все, что

недавно получалось само собой, теперь давалось Рите нелегко. Если раньше ей было достаточно на перемене пробежать глазами страницу учебника, чтобы запомнить её наизусть, до запятой, то теперь, дважды прочитав параграф, Рита, закрыв учебник, не могла вспомнить почти ничего. Все прочитанное словно не имело никакого смысла.

Рита заставляла себя сидеть за уроками допоздна. Но больше всего сил уходило на то, чтобы находиться рядом с людьми, болтать о всякой ерунде или слушать чужую бессмысленную болтовню.

Проснуться утром было невозможно. Хотелось все время лежать и плакать. Или бежать и плакать. И чтобы никто её не видел.

За два дня до каникул Рита, выйдя из школы, решила срезать дорогу и пройти через гаражи. Она спешила на тренировку. Между гаражами стояла Ирка Лисицына из 6 «Б». Рита немного её знала.

– Чего ты здесь? – спросила она.

– Иди своей дорогой.

– Стрелка?

– Вроде того.

– С кем?

– А не все ли тебе равно? С Трясогузкой.

– С Ленкой? – Рита засмеялась от неожиданности. – Да она сюда ни в жизнь не придёт.

– Да уже пришла, – довольно сказала Лисицына.

– Пусти глянуть, я никому не скажу. У меня к ней тоже есть разговор.

Она протиснулась между гаражами и оказалась на тесном пятачке. Ленка стояла, прижавшись спиной к одному из гаражей, закрывая лицо локтем. Её окружили четверо. По сравнению с остальными девчонками Ленка казалась совсем ещё ребёнком.

– Рита! – закричала она, ища защиту. – Разве это честно – когда четверо на одного?

Ленка отняла руку от лица – по её скуле растекался свежий кровоподтек, левый глаз заплыл, воротник на куртке был наполовину оторван.

На Риту все смотрели с подозрением.

– Она стукачка, – предупредила одна девочка, имени которой Рита не знала. – Мы не просто так. Она закладушница.

– Я знаю, – сказала Рита. Она посмотрела на Ленку, на её тонкую шею без шарфа, торчащую из воротника куртки, на покрасневшие от ветра руки. – Но у нее же дома все плохо, ее ведь бьют дома. Вы не знали? Она, может быть, и не хотела бы…

– О! Адвокатша нашлась, – сказал кто-то.

– Я не оправдываю, нет! Но если такая мать…

– Получше твоей! – неожиданно огрызнулась Ленка.

– О! – сказала высокая девочка с родинкой на щеке. – Заговорила. А меня, между прочим, тоже отец бьет. И за тройки, и когда я домой поздно прихожу, я даже сидеть не могу. Но я, между прочим, на людей, одноклассников своих, не стучу. Потому что ты или гнилой человек, или нет. А точнее, ты человек или не человек. Вот она…

– Она человек! – горячо возразила Рита.

– Ты бы лучше шла отсюда, – сказала ей та, что с родинкой. – Мы здесь не для разговоров собрались. Мы её не раз и не два предупреждали.

В следующий момент Ленка кинулась бежать. Она оттолкнула ближайшую девочку и рванула к щели между гаражами. Девочка с родинкой в два шага догнала её, схватила за рваный воротник, толчком в спину кинула в снег; следом подоспели остальные и уложили Ленку в сугроб вниз лицом, в самый колкий и грязный снег. Рита замерла на месте.

Ленка закричала, ей заткнули рот снегом. Она кашляла, плевалась и пыталась подняться на ноги, но две девчонки крепко держали её. Шапка её давно слетела, спутанные волосы намокли в снежной каше. Девочка с родинкой подошла к сваре и, размахнувшись, ударила Ленку в плечо.

– Будешь ещё? Будешь?

Ленка отчаянно замотала головой.

– Если будешь продолжать крысить – ещё не так получишь.

– Я не буду! – прошептала Ленка. Из её носа текла алая струйка крови.

– Скажи: простите меня, пожалуйста, я больше так не буду.

– Простите меня… – дальше Рита не расслышала. Ленку отпустили, но она ещё не успела это понять. Обхватив себя руками и зажмурившись, Ленка, скрючившись, продолжала лежать в сугробе.

– Ну вот, колготки порвала из-за Трясогузки, – расстроенно сказал кто-то.

– Пусть покупает, – засмеялась девочка с родинкой.

Рита подошла ближе. Она могла быть сейчас или с Ленкой, или с остальными девчонками. Рита взглянула на тот самый Ленкин сапог с ожогом, и к горлу её подступила такая ненависть к себе, к Ленке, вообще ко всей жизни, что она, замахнувшись, брезгливо, но больно пнула Ленку в бок. Ленка только сжалась сильнее. Она не поняла, что это Рита.

– Молодец, Маргаритка! – сказала девочка с родинкой. – Наш человек!

Рита молчала. У неё перехватило дыхание.

В следующий момент Ленка вскочила на ноги и, подлетев к Рите, всей пятерней влепила ей самую настоящую хлесткую пощёчину.

– Ах ты, – кто-то толкнул Ленку обратно в сугроб. – Вот ведь…

– Нормально все, – сказала Рита. Она отломила с крыши гаража сосульку и приложила к горящей щеке. – Это все наше, между нами. Ничего страшного.

Рита не поехала на тренировку, а вернулась домой. Как она и надеялась, никого не было дома. Рита разглядывала в зеркале свое лицо, уже утратившее след пощечины, и никак не могла понять, где в ней скрывается то, что позволило ей так просто и легко пнуть в бок другого, лежачего, беззащитного человека. Её нога помнила тот пинок, и ноге от пинка до сих пор было куда больнее, чем щеке – от пощечины.

Рита долго стояла под горячим душем и снова смотрела на свое отражение в запотевшем зеркале. Её лицо было обыкновенным. В её ноге не было ничего особенного. И та Рита, что шла, прихрамывая, домой от гаражей, была той же Ритой, которая проснулась сегодня утром и съела два бутерброда с маслом и сыром, и той же Ритой, что на большой перемене сидела на школьном стадионе, вдыхая весенние запахи талой воды и ванили с кондитерской фабрики, и Ритой, танцующей в первой линии на центральной площади в День Победы. И, между прочим, той же Ритой, которая считала себя доброй, честной и справедливой девочкой.

Дело было не в том, что Рита ударила Ленку, а в том, что она хотела ее ударить. К такой себе невозможно было привыкнуть.

Она села на пол, обхватив себя руками, и представила себе, что её на самом деле нет. Никогда в жизни она не была настолько одна.

Всю ночь шёл снег. Он валил крупными хлопьями, засыпая протоптанные тропинки и раскатанные ледяные дорожки, школьное крыльцо и лыжню на стадионе. Рита брела в школу в утреннем сизом полумраке, и снег забивался ей в низкие ботинки, в карманы куртки, оседал в распущенных волосах. Она вышла из дома на час раньше обычного, а проснулась и вовсе в половине шестого, и ей казалось, что на самом деле она еще спит. В животе было нехорошо, во рту засел неприятный привкус. Сумка с учебниками была неподъемно тяжелой.

По рельсам, разгоняя сон, прогремел трамвай. Рита зачерпнула рукой горсть свежего снега и несла его, чувствуя, как он тает в руке, до школьного крыльца. В каждой девчонке, обгонявшей ее, ей мерещилась Ленка.

До самого звонка Рита стояла у школьной раздевалки, но Ленка так и не появилась. Вместо нее в школу явилась ее мама. Рита издали узнала ее длинную и прямую, как линейка, фигуру, и поторопилась затеряться в толпе. У нее снова заныли и нога, и щека.

В этот день к директору вызывали родителей только четырех девочек.

Ленка не назвала Риту.